

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.3 ББК 904 DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.008

Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

С. Ю. Шокарев

РГГУ, Москва, Россия. shokarevs@yandex.ru

С. Г. Шуляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. firangel@mail.ru

САРКОФАГ КНЯГИНИ АНАСТАСИИ БЕЛЬСКОЙ В ПОДКЛАТЕ СМОЛЕНСКОГО СОБОРА МОСКОВСКОГО НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Статья продолжает серию историко-генеалогических исследований, проводимых на основе эпиграфических материалов, полученных экспедицией Института археологии РАН при работе в подклете главной церкви во имя Смоленской иконы Богородицы Новодевичьего монастыря в 2017–2018 г. Исследована надпись на крышке саркофага инокини Анастасии, вдовы князя Федора Ивановича Бельского. Бежавший из Литвы князь стал заметной фигурой при дворе великого князя Московского Ивана III. В 1498 г. он женился на царской родственнице, княжне Анне, дочери Рязанского князя, и умер около 1506 г. Записи о поминании его вдовы, принявшей монашество и дожившей до 1548 г., были полны противоречий и ошибок. Неверно указывались место погребения (предполагался Покровский монастырь в Суздале) и состав имен княгини. В статье точно определено место пострижения и погребения (Новодевичий монастырь), сняты предположения о повторных браках князя Федора, установлено еще одно имя княгини Анны-Анастасии – Александра. Даются рекомендации по методике работы с памятниками церковного поминания.

Ключевые слова: монастырская археология, генеалогия, эпиграфика, ономастика, некрополь, церковное поминание, Московское государство

Исследования велись по программе № НИОКТР АААА-А18-118021690056-7

Подклет собора Смоленского образа Богородицы в Новодевичьем монастыре – один из наиболее известных некрополей русской знати. Он вошел в историю уже в эпоху Г. Ф. Миллера; позднее его не раз описывали. В 2017–2018 г., в связи с реновацией монастыря к его 500-летию, возникла возможность полностью осмотреть и обмерить надгробия и саркофаги, включая скрытые с XIX в. под полом. Погребения при этом не вскрывали. Работы вела специальная Новодевичья экспедиция ИА РАН (см.: [Беляев и др.]). Общая картина наблюдений опубликована [Беляев, Григорян, Шуляев]. Сейчас ведется последовательная подготовка к печати тех памятников, которые, порождая вопросы историко-биографического и генеалогического свойства, заслуживают специального рассмотрения и комментирования.

Среди них – пара саркофагов, занимающих центральную ячейку южного нефа (Рис. 1, 2). Это участок, ограниченный основанием южной стены четверика, а с трех других сторон –

ленточными фундаментами, соединяющими южную пару столбов со стеной и друг с другом (см. об этих лентах: [Беляев, Фролов, Шуляев]). К северу от саркофагов при зачистках выявлены две могилы в грунте, не сохранившие плит, и каменная плита без надписи. Могилы не вскрывались, антропологического изучения погребенных в саркофагах не производилось. Все же нельзя исключить, что все пять погребенных принадлежали к одной семье, подобно тому, как к одной семье принадлежат пять саркофагов князей Кубенских, погребенных в ячейке противоположного (северного) рукава средокрестья.

Точность, с которой саркофаги вписаны в небольшой прямоугольник ячейки, указывает, что погребения совершены непосредственно после закладки лент. В абсолютных цифрах это означает вторую треть XVI в., поскольку нижней датой начала строительства собора считаются 1540-е годы (несмотря на то, что первые погребения датируются концом 1530-х), а верхний возможный предел – 1570 г. (так датирована первая из могил, пробивших уже готовую фундаментную ленту).

Впрочем, эти хронологические соображения в данном случае не очень нужны: на крышке одного из двух саркофагов имеется надпись, включающая дату: 1548 г. Это значит, что саркофаг относится к числу наиболее ранних в подклете и сам может служить *terminus ante quem* для лент. Более ранние даты указаны только на трех памятниках: Ирины Захарьиной (1533 г.), княгини Ульяны Кубенской (1537 г.) и ее казненного сына Ивана (1546 г.). Все три стоят у северной стены, причем два первых – вплотную к ней. Видимо, и не сохранивший надписи саркофаг в южной ячейке появился раньше, чем надписанный. Опишем оба саркофага в центральной южной ячейке (Рис. 2, 3).

Безымянный саркофаг у стены в отчете об исследованиях обозначен как объект 101 [Беляев, 2018а, л. 116–118, ил. 552, 556–559, 568–569, 573–576, 665, 668, 1385–1396]. Его крышка составная, из двух частей, что обычно для саркофагов XVI–XVII в. Западная часть (примерно треть длины) – трапециевидная, снизу с выборкой и шлифовкой, массивная (толщина до 15 см). Оглавья в крышке не вытесано, и она перекрывает изголовье целиком, так что сверху объект выглядит просто трапецией с необработанной или сильно сколотой поверхностью. Восточная часть крышки – грубо обработанная плита, примерно подобранная по размерам (неправильная трапеция длиной 1,10 м, шириной 0,68 м, толщиной 0,13 м). Сам саркофаг размером в плане 1,95 × 0,59 (плечики) / 0,40 (изножье) м. Оглавье и плечики образованы в плане ломаными прямыми, так что выступ для головы трапециевидный, близкий к прямоугольному. Такой угловатый тип характерен с середины XVI в. и позднее, он продержится примерно столетие. Отметим, что самый поздний из четырех саркофагов рода Кубенских (их расположение в соборе зеркально южной паре саркофагов) тоже угловатых форм и, судя по расположению, появился после 1551 г. Вполне вероятно, что такие гробы делали уже в 1540-х годах и даже ранее, когда их потребовалось производить больше (тесать угловатые формы проще, чем округлые; обзор и литература: [Беляев, 2018б]).

Второй саркофаг этой пары (в отчете – объект 102: [Беляев, 2018а, л. 116–118, ил. 552, 556–559, 568–569, 573–576, 665, 668, 1386–1400]) стоял вплотную к северу от первого (севернее до ленточного фундамента оставалось место по крайней мере для еще одного погребения – возможно, оно и совершено, но глубже). Общие размеры саркофага в плане: 1,92 × 0,71 (плечики) / 0,44 (изножье) м. Его крышка также из двух кусков, плоских, с вытесанным в изголовье широкого округло-уплощенного оглавья (более привычная в XVI в. конфигурация, переходная от округлой к прямой); округлена и линия плечиков. Очертания крышки отвечают форме гроба. Западная часть толщиной 0,09 м и расколота трещинами, сходящимися примерно в центре; снизу она имела выборку глубиной 0,05 м с такой же ширины бортиком по периметру.

Для западной части крышки использовали, перевернув лицом вниз, изголовье белокаменной надгробной плиты (размеры 0,57 × 0,53/0,50 × 0,08 м). Она имеет орнамент

устойчиво антропоморфного типа с высоко поднятыми тягами (как и бордюр, они образованы линиями мелких треугольников вытянутых пропорций, обращенных вершинами друг к другу и образующих частый зигзаг («волчий зуб»). Внутренняя рамка – из одного ряда треугольников чуть большей высоты, обращенных вершинами наружу от центра плиты. Верхнее клеймо – два концентрических полукруга мелких треугольников, вершинами к центру клейма, и полурозетка из вытянутых, более крупных треугольников. Тип плиты хронологически укладывается в период второй четверти или трети XVI в.; аналоги многочисленны, но уже датировать изделие не позволяют (Рис. 4).

Крышка саркофага несла надпись в 4 строки вязью вытянутых пропорций (Рис. 5). Буквы врезаны трехгранными линиями с выраженными подсечками по концам. Несмотря на то что эта часть крышки расколота, текст читается уверенно, а дата, родовое имя мужа и имя, нареченное при постриге, вообще не повреждены. Читается:

ЛѢТ(а) ЗНС ІЮ(н)Я (в) А Д(е)НЬ ПРЕ
СТАВИС(я) КНЕЖ ѲЕДОРОВА КНИГИ(ня) ІВА
НОВИЧ(а) БѢЛЬСКАГО ВО ИНОЦЕ(х)
АНАСТАСІЯ

Таким образом, перед нами погребение инокини Анастасии, жены или вдовы князя Федора Ивановича Бельского, скончавшейся в 1548 г. (7056 – 5508), 1 июня. Отметим, что этого имени нет в списках, сделанных для Г. Ф. Миллера, и в литературе, на него опиравшейся. Нет его и в «Московском некрополе». Но среди надписей, прочитанных при реставрации подклета в 1870-х годах А. А. Мартыновым и (или) архитектором В. А. Гамбурцевым, это погребение учтено: оно попало на неопубликованный «план 1887 г.», который лег в основу схемы, изданной спустя столетие (см.: [Трубникова, рис. 1]).

При этом то ли надпись на плите была неверно прочтена еще в 1870-х годах, то ли возникла путаница (не единственная в указанной публикации) при перебивке плана: на плане наша пара саркофагов указана под номером 44, как погребения неизвестных, не сохранившие плит. В экспликации под этим номером ошибочно показан памятник княгини Небогатой, а ее настоящее погребение имеет номер 42, причем в экспликации под ним стоит: «Княгини А. Белевской, 1548 г.». Как известно, тульский Белев и смоленская Белая – два разных города, и никого из князей Белевских в подклете нет. Несомненно, это неточно прочтенная надпись на интересующем нас саркофаге 102/2017 г.

«Княгиня Белевская» не вызвала никакого интереса у историков, тем более что имена ее и ее супруга приведены не были. Нас же инокиня Анастасия привлекает уже самим фактом ее погребения в соборе Московского Новодевичьего монастыря. Поскольку считается достоверно известным, что супруга князя Федора Ивановича Бельского погребена в Покровском монастыре Суздаля.

История князей Бельских, и прежде всего самого Ф. И. Бельского, полна романтических подробностей и заслуживает описания в произведениях художественной литературы. Бельские первой половины XVI в. числили себя среди первых на Москве, возможно, по родовому статусу Гедиминовичей, хотя в самой Литве относились к аристократии служилой, а не удельной. Само прозвище Бельских и статус, соответствующий удельному, они (вернее, князь Семен Иванович, брат Федора) получают уже на рубеже XV–XVI в., после выезда на службу Москве. Что касается появления здесь князя Федора Ивановича в 1482 г., то оно было следствием провала заговора против короля Казимира и не повлекло перехода великому князю самой Белой [Кром, 2010, с. 87–90, 109–111].

Беглецу пришлось полагаться на милость нового сюзерена, которая и была ему оказана: он получил два города на западной границе, воевал в армии великого князя. Но с самого начала возникли проблемы матримониального свойства. Дело в том, что князь Федор Иванович бежал в Москву, покинув после первой брачной ночи свою супругу, Анну Семеновну, урожденную

княжну Кобринскую, которую король Казимир мстительно задержал в Литве¹. В русско-литовской дипломатической переписке 1488–1495 г. жена князя Ф. И. Бельского упоминается неоднократно. Иван III просил отпустить ее к мужу и в конце концов получил на это согласие своего зятя, великого князя Александра Казимировича. Однако княгиня Бельская ехать не захотела, а когда Иван III наказывал Александру Казимировичу выслать к нему княгиню с приставом, тот отвечал, что в Литве не принято посылать жен к мужьям насильно. Последнее препирательство на эту тему произошло в августе 1495 г., после чего московская дипломатия забудет про жену князя Бельского², а сама княгиня Анна Бельская вторично выйдет замуж за Вацлава Станиславовича Костевича [Wolf, s. 165–168]. Она умерла в 1519 г. и записана в Холмский помянник как Агата схимница [Войтович].

Тем временем Федор Иванович получил в Москве разрешение венчаться вторично от живой жены и вступил в 1498 г. в брак с Анной Васильевной, рязанской княжной и племянницей великого князя Ивана III, дочерью его сестры, двойной тезки Анны Васильевны³. От этого брака было три сына: Дмитрий (ум. 1551 г.), Иван (ум. 1542 г.) и Семен (ум. между 1544 и 1549 г.) [Зимин, с. 125–127; Кром, 2000, с. 114]. Прожил Ф. И. Бельский в новом браке недолго: в последний раз он упомянут в 1506 г. как участник Казанского похода [Зимин, с. 124–125].

Обратимся к его супруге. Как известно, крестильное имя в русской монашеской традиции должно было начинаться с той же буквы, что и имя, принимаемое при постриге. Поэтому вполне возможно, что Анна и инокиня Анастасия – одно лицо, хотя первое из имен мирское, а второе – иноческое. Не препятствует этому и возрастное соотношение: если Анне в 1498 г. было лет 16–17, то в момент смерти мужа – более 20, а в 1548 г. – под 70 (или, если она вышла замуж в более зрелом возрасте, то около 75). По тем временам очень много, но так бывает. Однако есть по крайней мере два препятствия к идентификации инокини Анастасии из Смоленского собора с Анной Рязанской: считают, что Анна похоронена в Суздале, причем под именем Александры.

Оставалось проверить факты биографии Анны Рязанской. Результат оказался интересным не только для генеалогии Бельских. Он, как и недавнее исследование о надгробии Голицыной (см.: [Беляев, Топычканов]), дает основания для внесения корректив в методику критики источников, связанных с поминанием вообще.

Отметим, что имя невесты князя Ф. И. Бельского в летописном известии о свадьбе в январе 1498 г. не названо. Оно определяется по росписи второй свадьбы ее двоюродного брата, Василия III, 21 января 1526 г.: «А за столом сидели боярыни князь Федорова княгини Ивановича Бельского Анна». Сам князь Ф. И. Бельский в свадебном разряде не упомянут, но присутствует его сын, князь Дмитрий Федорович, как дружка жениха⁴. Очевидно, в это время княгиня Анна Бельская – вдова.

Следующее упоминание о княгине Бельской относится к 1534 г. 28 апреля ее сын князь Иван Федорович дал в Троице-Сергиев монастырь «по матери своей иноке Настасье вклад 10 рублей»⁵. Логично предположить, что Анна Васильевна Бельская приняла в конце жизни монашество с именем Анастасии. Подтверждением этого является запись во вкладной книге Новодевичьего монастыря. 9 декабря в день, отмеченный во вкладной книге как «Зачатие св. Анны, егда зачат св. Богородицу», записано: «Память князь Федорова Ивановича Белсково

¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. С. 348.

² Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 299.

³ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 246.

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, введ. статья и редакция В. И. Буганова; Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966. С. 9.

⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1987. С. 90.

княгини иноки Настасье, вкладу 200 рублей»⁶, то есть память совершалась в праздник, отвечавший светскому имени княгини Бельской. Отметим, что в тот же день поминали и другую княгиню Анну, Голицыну, в инокинях, кстати, Александру⁷.

Здесь все сходится, кроме даты. Вклад 1534 г. по княгине-инокине Анастасии Бельской в Троице-Сергиев монастырь предполагает, что она не могла дожить до 1548 г., как обозначено на надгробии. Допустить ошибку переписчика и сдвинуть дату во вкладной книге не получится, поскольку князь Иван Федорович умер в тюрьме на Белоозере в 1542 г. Но хотя вклад действительно относится к 1534 г., возможно, что это редкий случай совершения вклада на помин души при жизни. Такие незначительные по суммам вклады, до 50 рублей, заносили в особые живые книги [Штайндорф, с. 107–108]. Вклад в 10 рублей вполне соответствует этому критерию. Значит, не обязательно думать, что Анастасия Бельская умерла в 1534 г.

Возможно, стоит вспомнить, что именно в 1534 г. род Бельских оказался в опасности: летом младший из сыновей князя Ф. И. Бельского и Анны Васильевны, Семен, не выдержав придворной борьбы, бежал в Литву, а его братья подверглись опале. В ноябре 1537 г. Семен попал в плен к ногайскому князю Бакию и был уведен в Астрахань. В декабре того же года от имени Ивана IV был предложен выкуп за князя Семена Бельского со ссылкой на желание его матери и братьев. М. М. Кром счел это сообщение сомнительным, поскольку И. Ф. Бельский в это время находился в заточении, а их с Семеном мать, согласно все той же записи во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, умерла в 1534 г. Однако если вклад по княгине Анне-Анастасии Бельской был внесен при жизни, то ее участие в судьбе сына Семена вполне вероятно, так же как и смерть в 1548 г.⁸ Таким образом, история с выкупом Семена свидетельствует, скорее всего, в пользу того, что княгиня Анна-Анастасия жила и после того, как сын дал по ней вклад в Троице-Сергиев монастырь.

Возможно ли, что в Новодевичьем монастыре погребена какая-то иная княгиня Бельская, а не мать князя И. Ф. Бельского? Ведь источники, как уже сказано, знают еще одно имя супруги князя Федора Ивановича Бельского. В той же вкладной книге Новодевичьего монастыря есть другая запись, причем назван такой же объем вклада. Но дан он по инокине Александре: «1 июня година князь Феодора Ивановича Бельского княгини иноке Александре, вкладу 200 рублей»⁹. Дата кончины, 1 июня, совпадает с той, что указана на плите княгини Анастасии. Опять допускать ошибку переписчика вкладной книги в XVIII в., написавшего «Александра» вместо «Анастасия»? Это возможно. Но в свете современных представлений о феномене русской средневековой полиномии гораздо проще задуматься над тем, что у Анны могли быть, сверх мирского и монашеского, еще имена, и прежде всего крестильное (см.: [Литвина, Успенский, с. 34–37]). Установлено много случаев (в том числе с помощью археологии), когда у знатных женщин набирается по 3–4 имени, как у матери князя Пожарского: крестильное Евфросиния, светское Мария, монашеское Евдокия, схимническое Евникия [Беляев, 2013, с. 242].

К тому же упоминание княгини-инокини Бельской как Александры – не единственное. Так она названа в источнике, на котором основано мнение о погребении вдовы Ф. И. Бельского в Покровском Суздальском монастыре. Это «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале» священника середины XVIII в. Анании Федорова. В списке похороненных в монастыре указана могила «княгини Александры князя Федора Бельского» [Федоров, с. 182]. Поскольку сам князь Ф. И. Бельский и его потомки тоже похоронены в Суздале (правда, в Рождественском соборе), погребение там его супруги вполне ожидаемо.

⁶ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подг. текста В. Б. Павлова-Сильванского; Под ред. В. И. Корецкого. М., 1985. С. 176.

⁷ Там же.

⁸ Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1793. Ч. 8. С. 41, 42; [Кром, 2000, с. 112].

⁹ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря. С. 199.

Ее плиты нет в современном описании надгробий Покровского монастыря (связывать с ней фрагментированную плиту «благочестивой княгини иноки Александры», умершей 11 апреля 1525 г., нет никаких оснований, см.: [Курганова, с. 45]), но само по себе это мало что значит – далеко не все плиты сохраняются.

Зато список погребенных Анании Федорова явно подозрителен. В. Д. Огурцов, исследовав его сочинения, указал, что «как источник материалов для истории Суздаля “Летопись”... ценности не представляет, поскольку дублирует известные к середине XVIII в. по летописям, житиям и Минеям легенды и другие сведения, но может считаться оригинальным произведением, автор которого попытался ввести историю провинциального города в лоно государственной истории» [Огурцов, с. 100, 101]. В этом списке встречаются характерные ошибки. Так, сообщается, что в Покровском монастыре погребена дочь царя Ивана IV, царевна Анна, хотя точно известно, что она положена в Новодевичьем монастыре. Указана и фантастическая сестра Василия III, «инокиня княжна» Александра [Федоров, с. 181, 182]. Видимо, эти накладки не случайны: Новодевичий монастырь по отношению к Покровскому Суздальскому дочерний, оттуда во вновь основанную обитель была взята первая игуменья, Елена Девочкина, с целым штатом стариц. В известном смысле те, кого поминают в одном монастыре, поминаются и в другом. Это приводит к появлению одного и того же имени в документах обоих, откуда они переходят в сочинения местного духовенства. Так что из двух имен Анны во вкладной книге Новодевичьего монастыря одно могло легко переключиться в сочинение о. Анании.

Чтобы продолжить анализ синодиков, приведем родословную схему князей Бельских (источники: [Лихачев, с. 1, 2; Гиршберг, с. 57, 58; Зимин, с. 125–127; Алексеев, Маштафаров, с. 28, 29, 53, 54; Кром, 2000, с. 115; Правящая элита Русского государства]):

Федор Иванович Бельский † после 1506		+	княжна Анна Васильевна Рязанская, инокиня Анастасия † 1548		
Дмитрий инок Зосима † 1551		+	Марфа Ивановна Челяднина, инокиня Александра † до 1572	Иван † 1542	княжна Ксения Михайловна Щенятева, инокиня Евфросинья † до 1560/1561
Иван-Леонтий † 1571		+	княжна Марфа Васильевна Шуйская † до 1572	Анастасия † 1571	Василий Михайлович Юрьев † 1567
				Евдокия † 1573	Михаил Яковлевич Морозов † 1573
Анна † 1561	Василий † млад.	Иван † млад.	Федор † 1568	Мария † млад.	Анастасия † млад.

Наиболее полный помянник XVII в. помещен на стене Рождественского собора в Суздале и содержит следующие имена: «Князя Федора, князя Дмитрия, в иноках Зосиму, князя Ивана, князя Андрея, князя Ивана Леонтия, княгиню Анну, княгиню Александру, княгиню Марфу, князя Василия младенца, княжну Марью, княжну Анну младенца, княжну Александру младенца» [Курганова, с. 23]. Все имена, кроме Андрея, легко идентифицируются, но и князь Андрей Федорович, погребенный в родовой усыпальнице в Рождественском соборе в Суздале, упомянут о. Ананией, следовательно, Андрей может быть четвертым сыном князя Ф. И. Бельского (см.: [Федоров, с. 47]). Анна названа своим мирским именем; супруга князя И. Ф. Бельского, Ксения (в монашестве Евфросинья) отсутствует, а дочь князя И. Д. Бельского, младенец Анастасия, названа Александрой.

Синодик кремлевского Чудова монастыря содержит только одно женское имя: «княгиню иноку Анастасию», в которой нужно видеть супругу князя Федора [Алексеев, с. 115].

Во вкладной книге Симонова монастыря сообщается о поминовении Д. Ф. Бельского, М. И. Бельской (в иночестве Александры), И. Д. Бельского, М. В. Бельской и их детей, умерших в младенчестве и детстве. Сто рублей на поминовение князей Бельских дал Иван Грозный. Эта запись сделана 30 марта 1572 г. Ее отличают полнота и подробность, однако имени Анны-Анастасии там нет, поскольку ее поколение в поминовение не внесено [Алексеев, Маштафаров, с. 28, 29].

В сравнительно большом помяннике Троице-Сергиева монастыря присутствует имя княгини-инокини Анастасии, зато нет Александры [Кириченко, Николаева, с. 118]. Правда, составлен он в XVII в., спустя век после того, как род князей Бельских пресекся; в нем имена Бельских-Гедиминовичей перемешаны с именами Бельских-Рюриковичей (о них – далее).

Наконец, в помяннике из вкладной книги Новодевичьего монастыря есть княгиня Анна, княгиня Александра, инокиня Анастасия, княгиня-инокиня Александра и ряд имен, которые трудно идентифицировать с родом князей Бельских, что заставляет предполагать запись в помянник близких и дальних родственников¹⁰.

Таким образом, источники, связанные с поминальной традицией и считающиеся сравнительно надежными, будучи собраны вместе, не столько разрешают противоречия, сколько создают их.

Еще одно возможное объяснение появления в источниках двух княгинь Бельских, жен Федора Ивановича, с разными монашескими именами и похороненных в разных местах – существование полных тезок, родственников или однофамильцев. В роду князей Бельских полным тезкой князя Федора Ивановича был только его правнук, умерший в младенчестве.

Зато в это же время существует ветвь князей Бельских-Рюриковичей, происходящая от князя Федора Ивановича Мортки Ярославского, жившего в последней четверти XIV – первой половине XV в. Коллизию, связанную со смешением Бельских-Гедиминовичей и Бельских-Рюриковичей, недавно рассматривал Н. В. Белов в связи с возможным происхождением преподобного Галактиона Вологодского, который, согласно Житию, принадлежал к роду князей Бельских [Белов].

Внук князя Федора Ивановича Мортки Ярославского князь Иван Михайлович «бегал в Литву», очевидно, в первой трети XVI в., но затем вернулся. В 1536 г. он участвовал в приеме литовских гонцов в Москве¹¹. Согласно «Бархатной книге», его сыновья Василий, Лев, Григорий Горчак и Петр носили фамилию Бельских, да к тому же у Василия, согласно

¹⁰ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря. С. 228.

¹¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 18, 32.

«Бархатной книге», было «прозвище князь Федор»¹². Появление фамилии Бельских у сыновей Ивана Михайловича Морткина предположительно связано с его бегством в Литву. Поздний местнический памфлет приписывает этой линии незаконное происхождение [Безносюк]. Как бы то ни было, появляется вероятность того, что одна из княгинь-инокинь Бельских (Анастасия из Новодевичьего монастыря или Александра из Покровского Суздальского) была супругой не Гедиминовича князя Федора Ивановича Бельского, а его полного тезки, Рюриковича князя Василия-Федора Ивановича Морткина-Бельского.

Эта версия могла быть принята во внимание. Но против нее есть несколько возражений. Во-первых, Бельские-Рюриковичи упоминаются не ранее 1560-х годов. В 1560-е годы – в земельных описаниях, в 1573 г. в списке дворовых, ранее входивших в опричнину, в 1584 г. – в разрядах¹³. При этом князь Василий Иванович Морткин, который одновременно может быть князем Федором Ивановичем Бельским, во всех известных нам источниках фигурирует только как В. И. Морткин и нигде не назван князем Бельским и (или) Федором¹⁴. Таким образом, возможность того, что в 1548 г. в Новодевичьем монастыре с подобной надписью на саркофаге похоронили супругу князя Ф. И. Бельского-Рюриковича (он же – князь В. И. Морткин), крайне маловероятна.

Подчеркнем, что отождествление княгини-инокини Анастасии с княгиней Анной Васильевной, супругой князя Ф. И. Бельского, логично с точки зрения статуса некрополя Новодевичьего монастыря. Он с самого начала служил местом упокоения женщин из правящего рода, пусть и не часто. Здесь погребены княгиня Ульяна Кубенская – дочь князя Андрея Большого Угличского, двоюродная сестра Василия III; дочь Ивана Грозного, царевна Анна; вдова Юрия Угличского Ульяна Палецкая и вдова царевича Ивана Ивановича, Елена/Леонида Шереметева. Для семьи княгини Анны Бельской ее родство с Иваном III и Василием III оказалось важнее, чем традиция Бельских хорониться в Суздале, ближайшем епархиальном центре к Лухскому княжеству. Тем более что оба монастыря были, так сказать, не чужими друг другу. Наконец, пострижение в Новодевичьем монастыре, очевидное из надписи на саркофаге, предполагало (хотя исключения известны) погребение в нем же.

В итоге мы полагаем, что в изучаемом саркофаге погребена именно княгиня Анна-Анастасия, у которой, с высокой долей вероятности, можно реконструировать еще одно имя – Александра. Видимо, оно крестильное. Подчеркнем, что надпись на крышке – первичный и мало подлежащий сомнениям источник. Считаем, что запись во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря точна, но появилась вне связи со смертью, а сделана при жизни княгини (причина вклада по ней в 1534 г. может быть раскрыта в будущем). Вкладная книга Новодевичьего монастыря – единственная, где названы оба имени (при одном и том же вкладе или двух разных, но одного размера – неясно): одно – в связи с поминанием в день смерти и совпадает с днем, обозначенным на крышке саркофага; другое – в день тезоименитства (указано крестильное имя). Остальные помянники используют то или иное из трех имен по отдельности (причины выбора мы сможем осознать не скоро, если вообще сможем). Но все эти записи – об одной и той же женщине. Вероятность простых ошибок, затем повторяющихся, не исключаем, но предпочитаем не прибегать к таким объяснениям, следуя принципу Оккама. Тем самым решается и проблема сообщения Анании Федорова об инокине Александре (то, что он мог просто спутать имена жен Ивана Федоровича и Федора Ивановича Бельских, не подчеркиваем). Разница в указаниях на места погребений объяснена выше.

¹² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... М., 1787. Ч. 1. С. 150–151.

¹³ [Безносюк; Альшиц, с. 23]; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 349.

¹⁴ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. I. С. 19, 53; СПб., 1877. Ч. 1. Отд. II. С. 172; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 184, 190, 204, 205 и др.

Важно, что эти ошибки не случайны, они возникают как результат работы средневековой системы поминовения, не нуждавшейся в более четкой идентификации персонажа. А если так, то очевидно, что анализ источников, связанных с церковным поминовением, требует особых форм критики, которые будут учитывать постепенно обозначаемые точки возможных искажений.

Литература

- Алексеев А. И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4 (55/56). С. 5–239.
- Алексеев А. И., Маишафаров А. В. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
- Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. 4. С. 3–71.
- Безносок С. Князья Бельские. Поколенная роспись рода князей Бельских. Материалы по генеалогии и просопографии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/rurikovici11/home/argoslavskie/belskie> (дата обращения: 06.07.2020).
- Белов Н. В. О новейшей гипотезе происхождения Галактиона Вологодского // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2018. Вып. 26. С. 47–55.
- Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. 260, [3] с.
- Беляев Л. А. Отчет об археологических изысканиях (при проведении работ по сохранению) (раскопках) на объекте культурного наследия федерального значения «Ансамбль Новодевичьего монастыря», г. Москва, Новодевичий проезд, д. 1. Смоленский собор. М., 2018. Т. 1. Текст. Приложения. (Архив ИА РАН. Не обработано). [Беляев, 2018а]
- Беляев Л. А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 219–232. [Беляев, 2018б]
- Беляев Л. А., Топычканов А. В. Надгробие Ф. А. Голицыной и другие плиты князей Голицыных XVI–XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 91–108.
- Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 5–20.
- Беляев Л. А., Фролов В. С., Шуляев С. Г. Новодевичьи ленты: об укрепляющих конструкциях фундаментов собора Московского Новодевичьего монастыря XVI в. // Архитектурная археология. 2020. № 2 (в печати).
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Археология московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 192–207. [Беляев и др.]
- Войтович Л. В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://izbornyk.org.ua/dynasty/dyn08.htm> (дата обращения: 06.07.2020).
- Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. XIV–XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. 1. С. 3–77.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
- Кириченко Л. А., Николаева С. В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. 519 с.
- Кром М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 98–115.
- Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд. М., 2010. 318 с.
- Курганова Н. М. Страницы истории города Суздаля. М., 2007. 119 с.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Се яз раб Божий...». Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб., 2020. 128 с.

Лихачев Н. П. Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. СПб., 1900. 44 с.

Огурцов В. Д. «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале» // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 98–115.

Правящая элита Русского государства последней четверти XV – середины XVI в. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruling-elite.spbu.ru> (дата обращения: 06.07.2020).

Трубникова О. А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. – 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана). М., 1991. С. 106–123.

Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник ОИДР. М., 1855. Кн. 22. С. 1–212.

Штайндорф Л. Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции, 29 сентября – 1 октября 1998 г. М., 2000. С. 103–116.

Wolf J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. 698 s.

References

Alekseev, A. I. Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremlе [Synodik of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2019. No. 3/4 (55/56). Pp. 5–239.

Alekseev, A. I., Mashtafarov, A. V. Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova monastyrya [Vkladnaya i Kormovaya Kniga (A Donations Book) of the Moscow Simonov Monastery]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2006. No. 3. Pp. 5–184.

Al'shits, D. N. Novyi dokument o lyudyakh i prikazakh oprichnogo dvora Ivana Groznogo posle 1572 goda [A New Document about the People and Prikazes of the Oprichny Court of Ivan the Terrible after 1572]. In *Istoricheskii arkhiv*. Moscow; Leningrad, 1949. Vol. 4. Pp. 3–71.

Belov, N. V. O noveishei gipoteze proiskhozhdeniya Galaktiona Vologodskogo [On the Latest Hypothesis of the Origin of Galaktion Vologodsky]. In *Vestnik "Al'yans-Arkheo"*. Moscow; Saint Petersburg, 2018. Issue 26. Pp. 47–55.

Belyaev, L. A. Rodovaya usypal'nitsa knyazei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya [Ancestral Tomb of Princes Pozharsky and Khovansky in the Spaso-Evfimiev Monastery of Suzdal: 150 Years of Study]. Moscow, 2013. 260, [3] p.

Belyaev, L. A. Otchet ob arkheologicheskikh izyskaniyakh (pri provedenii rabot po sokhraneniyu) (raskopkakh) na ob'ekte kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya "Ansambly Novodevich'ego monastyrya", g. Moskva, Novodevichii proezd, d. 1. Smolenskii sobor [Report on Archaeological Research (during Conservation Work) (Excavations) at the Federal Cultural Heritage Site *Ansamble of the Novodevichy Monastery*, Moscow, Novodevichy proezd, 1. Smolensky Cathedral]. Moscow, 2018. Vol. 1. Tekst. Prilozheniya. (Arkhiv IA RAN. Ne obrabotano). [Belyaev, 2018a]

Belyaev, L. A. K khronologii antropomorfnykh sarkofagov Rusi XV–XVII vv. [On the Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi of Russia in the 15th – 17th Centuries]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. 2018. Issue 252. Pp. 219–232. [Belyaev, 2018b]

Belyaev, L. A., Topychkanov, A. V. Nadgrobie F. A. Golitsynoi i drugie plity knyazei Golitsynykh XVI–XVII v. v Novodevich'em monastyre [Tombstones of the Princely Family of Golitsin in the Novodevichy Convent (Moscow), 16th – 17th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 2 (80). Pp. 91–108.

Belyaev, L. A., Frolov, V. S., Shulyaev, S. G. Novodevich'i lenty: ob ukreplyayushchikh konstruktsiyakh fundamentov sobora Moskovskogo Novodevich'ego monastyrya XVI v. [Novodevichy Strips: about the Strengthening Structures of the Foundations of the Moscow Novodevichy Convent Cathedral of the 16th Century]. In *Arkhitekturnaya arkheologiya*. 2020. No. 2 (in print).

Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Shulyaev, S. G. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya XVI–XVII vv. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The Grave Vault of the Cathedral of the Novodevichy Convent, 16th – 17th Centuries: The Results of Field Research (2017 – 2018)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 5–20.

- Belyaev, L. A., Glazunova, O. N., Grigoryan, S. B., Elkina, I. I., Shulyaev, S. G. Arkheologiya moskovskogo Novodevich'ego monastyrya: pervye itogi [Archeology of the Moscow Novodevichy Convent: First Results]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2019. No. 4. Pp. 192–207. [Belyaev et al.]
- Beznosyuk, S. Knyaz'ya Bel'skie. Pokolennaya rospis' roda knyazei Bel'skikh. Materialy po genealogii i prosopografii [Princes of Belsky. Generational List of the Princes of Belsky's Kin. Materials on Genealogy and Prosopography] [Electronic resource]. URL: <https://www.sites.google.com/site/rurikovici11/home/aroslavskie/belskie> (accessed 06 July 2020).
- Fedorov, A. Istoricheskoe sobranie o bogospasaemom grade Suzhdale [Historical Collection about the God-saved City of Suzdal]. In *Vremennik Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*. Moscow, 1855. Book 22. Pp. 1–212.
- Girshberg, V. B. Materialy dlya svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya. XIV–XVII vv. Ch. 1. Nadpisi XIV–XVI vv. [Materials for the Corpus of Inscriptions on Stone Slabs in Moscow and the Moscow Region. 14th – 17th Centuries. Part 1. Inscriptions of the 14th – 16th Centuries]. In *Numizmatika i epigrafika*. Moscow, 1960. Issue 1. Pp. 3–77.
- Kirichenko, L. A., Nikolaeva, S. V. Kormovaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya 1674 g. (Issledovanie i publikatsiya) [The Donation Book of the Trinity-St. Sergius Monastery of 1674 (Research and Publication)]. Moscow, 2008. 519 p.
- Krom, M. M. Sud'ba avanturista: knyaz' Semen Fedorovich Bel'skii [The Fate of an Adventurer: Prince Semyon Fyodorovich Belsky]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow, 2000. Issue 4. Pp. 98–115.
- Krom, M. M. Mezhd Rus'yu i Litvoi: Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV – pervoi treti XVI v. [Between Russia and Lithuania: Borderlands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the Late 15th – First Third of the 16th Century]. 2nd ed. Moscow, 2010. 318 p.
- Kurganova, N. M. Stranitsy istorii goroda Suzdalya [Pages of the History of the City of Suzdal]. Moscow, 2007. 119 p.
- Likhachev, N. P. Zametki po rodosloviyu nekotorykh knyazheskikh familii [Notes on the Genealogy of Some Princely Families]. Saint Petersburg, 1900. 44 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. “Se yaz rab Bozhii...” Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury [«Here I am the Servant of God...» Multi-Name as a Factor and Fact of Old Russian Culture]. Saint Petersburg, 2020. 128 p.
- Ogurtsov, V. D. “Istoricheskoe sobranie o bogospasaemom grade Suzhdale” [Historical Collection about the God-saved City of Suzdal]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)*. Moscow, 1996. Pp. 98–115.
- Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva poslednei chetverti XV – serediny XVI v. [The Ruling Elite of the Russian State in the Last Quarter of the 15th – mid-16th Century] [Electronic resource]. URL: <https://ruling-elite.spbu.ru> (accessed 06 July 2020).
- Shtaindorf, L. Pominanie usopshikh kak religioznaya i obshchestvennaya dolzhnost' monastyrei Moskovskoi Rusi (na osnove materialov iz Troitse-Sergieva i Iosifo-Volokolamskogo monastyrei) [Commemoration of the Defuncts as a Religious and Public Duty of Moscow Russia Monasteries (Based on Materials from the Trinity-Sergiev and Joseph-Volokolamsk Monasteries)]. In *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, 29 sentyabrya – 1 oktyabrya 1998 g.* Moscow, 2000. Pp. 103–116.
- Trubnikova, O. A. Istoriya nekropol'ya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v. – 30-e gg. XX v.) [History of the Novodevichy Monastery Necropolis (1530s – 1930s)]. In *Moskovskii nekropol' (istoriya, arkheologiya, iskusstvo, okhrana)*. Moscow, 1991. Pp. 106–123.
- Voitovich, L. V. Knyazivs'ki dinastii Skhidnoi Evropi (kinets' IX – pochatok XVI st.): sklad, suspil'na i politichna rol'. Istoriko-genealogichne doslidzhennya [Princely Dynasties of Eastern Europe (Late 9th – Early 16th Century): Composition, Social, and Political Role. Historical and Genealogical Research]. Lvov, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://izbornyk.org.ua/dynasty/dyn08.htm> (accessed 06 July 2020).
- Wolf, J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warshava, 1895. 698 s.
- Zimin, A. A. Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988. 350 p.

Leonid A. Belyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Sergey Yu. Schokarev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Seraphim G. Schulyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

SACROPHAGUS OF PRINCESS ANASTASIA BEL'SKAYA FOUND IN SMOLENSKY CATHEDRAL
FUNERARY VAULT OF MOSCOW NOVODEVICHY CONVENT

The article is a continuation of historical and genealogical studies carried out on the basis of epigraphic materials obtained in 2017–2018 by the expedition of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in the process of excavations of the funerary vault of the main church of Novodevichy Convent. The inscription on the lid of sarcophagus of Anastasia the nun, widow of Prince Fyodor Ivanovich Belsky is examined. The Prince who fled Lithuania became a high-profile figure at the court of Ivan III, the Great Prince of Moscow. In 1498 Prince Fyodor married Princess Ann, kinswoman of Ivan III and the daughter of Prince of Ryazan. Prince Fyodor died about 1506. Records on memorial services on his widow, who took the vows and lived to see 1548 were full of contradictions and errors. The burial place (it was supposed that she was buried in the Protection of Our Lady Convent in Suzdal) and the set of her names were indicated wrongly. The place of taking the veil and the place of burial are established in the article precisely as Novodevichy Convent. The article also dispels guesses of new marriages of Prince Fyodor, and reveals one more name of Princess Ann-Anastasia – Alexandra. Recommendations in respect of the methods of work with monuments of church death-bills are provided.

Keywords: monastic archeology, genealogy, epigraphy, onomatology, burials, ecclesiastic commemoration, Moscow State

Рис. 2. Подклет Смоленского собора. Два саркофага в южной ячейке средокрестия, вид с востока

Рис. 3. Подклет Смоленского собора. Два саркофага в южной ячейке средокрестия, вид с северо-западного угла

Рис. 4. Подклет Смоленского собора. Верхняя часть надгробной плиты XVI в., вторично использованная как изножие крышки саркофага княгини Бельской (инокини Анастасии)

Рис. 5. Подклет Смоленского собора. Надпись на крышке саркофага княгини Бельской (инокини Анастасии)